

Памяти Н. Ѳ. Дубровина.

13-го іюня 1904 г., вечеромъ, мнѣ подали газету „Нов. Время“ отъ 12 іюня. У меня тогда сидѣлъ поэтъ К. М. Фофановъ, пріѣхавшій утромъ изъ Старой Руссы. Какъ во время военное, первымъ дѣломъ былъ вопросъ: Ну, что сегодня о Японіи, генералъ Куропаткинъ. Я развернулъ номеръ и на минуту остолбенѣлъ. Шагавшій мимо меня Фофановъ замѣтилъ мою перемену и спросилъ:

— Что?

— Война идетъ своимъ порядкомъ.

— Ну!

— А вотъ Дубровинъ скончался.

— Николай Ѳедоровичъ!—воскликнулъ поэтъ.

— Да, Николай Ѳедоровичъ,—подтвердилъ я, едва сдерживая подавляющія слезы.

Фофановъ перекрестился и молитвенно произнесъ: „царство ему небесное!“

Я повторилъ его слова и нервно, дрожащимъ голосомъ продолжалъ:

— Какъ жаль, какъ жаль. Рѣдѣютъ ряды славныхъ.

Тутъ мы принялись пересчитывать его заслуги по литературѣ, наукѣ, исторіи, вспоминали его, какъ человѣка истинно русскаго, горячо любившаго своихъ соотечественниковъ, какъ человѣка добрейшаго, простого и далеко не похожего на академика, занимавшаго постъ секретаря Академіи Наукъ.

Наступило тяжелое, удручающее молчаніе. Не хотѣлось просто вѣрить, что Николай Ѳедоровичъ умеръ. Живой образъ его ясно рисовался мнѣ: бодрый, привѣтливый старикъ, съ неуываеомой энергіей и въ движеніяхъ, и въ лицѣ, съ умными глазами, рѣшимостью во взглядѣ.

Тѣмъ временемъ К. М. снова шагаль и думаль крѣпкую думу. Вдругъ его осѣнила какая-то счастливая идея; онъ почти вскрикнулъ: „дайте карандашъ и бумага!“ Когда ему было подано и то и другое, поэтъ написалъ:

Памяти Н. Ѳ. Дубровина.

„Мы заблудились въ дебряхъ темныхъ,
Должно быть намъ не до дубровъ—
Когда погибнулъ изъ огромныхъ
Великолѣпнѣйшихъ дубовъ—
Дубровинъ, человѣкъ изъ скромныхъ“.

А. Слезкинскій.

